

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196

Научная статья / Research article

Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству

Е.М. Савичева¹ , А.М. Бребдани¹ , И.В. Рыжов²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

savicheva-em@rudn.ru

Аннотация. Ближний Восток в целом и субрегион Персидского залива в частности приобретают все большее стратегическое значение для Китая. Субрегион не только богат природными ресурсами, прежде всего энергетическими, и в значительной степени обеспечивает ими динамично развивающуюся китайскую экономику, но и открывает доступ к основным мировым морским и сухопутным путям, а также африканским и европейским рынкам. Цель исследования состоит в выявлении особенностей взаимодействия Китая со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в сфере энергетики, торговли и инвестиций в условиях растущей экономической взаимозависимости, выводящей отношения Пекина с арабскими странами субрегиона на уровень стратегического партнерства. Таким образом, отношения Китая с этой группой государств выходят за рамки сугубо экономических интересов и затрагивают стратегические интересы Пекина, активно продвигающего свою масштабную инициативу «Один пояс, один путь», что предполагает активизацию политики КНР на ближневосточном направлении. Методологической основой исследования стал междисциплинарный подход. Авторы придерживаются парадигмы неореализма, в том числе теории баланса сил и региональных комплексов безопасности, принципа, согласно которому внешняя политика государства диктуется логикой международной системы и распределения силы среди государств. Полезными оказались положения теории «властного транзита», которые приблизили к пониманию роли и места Китая, превращающегося в сверхдержаву в мировой политике. В основе исследования лежат и такие методы исторической науки, как проблемно-хронологический, историко-генетический, системно-структурный, сравнительно-сопоставительный. Сбор и обработка значительного пласта статистических данных дают возможность сделать вывод о появлении новых влиятельных акторов в Ближневосточном регионе.

Ключевые слова: Ближний Восток, КНР, ССАГПЗ, энергетическая безопасность, Один пояс, один путь, стратегическое партнерство

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039 на тему «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века».

© Савичева Е.М., Бребдани А.М., Рыжов И.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Савичева Е. М., Бребдани А. М., Рыжов И. В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 180—196. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196>

China and Gulf Cooperation Council Countries: From Economic Deals to Strategic Partnerships

Elena M. Savicheva¹ , Ammar M. Brebdane¹ , Igor V. Ryzhov²

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

² Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

 savicheva-em@rudn.ru

Abstract. The Middle East in general and the Persian Gulf sub-region in particular are becoming increasingly strategic for China. The sub-region is not only rich in natural resources, primarily energy, and to a large extent provides them to the dynamically developing Chinese economy, but also opens up access to main global maritime and land routes, as well as African and European markets. The study focuses on China's interaction with the Gulf Cooperation Council (GCC) countries in the field of energy, trade, and investment in the context of growing economic interdependence that elevates Beijing's relations with the Arab countries of the sub-region to the level of strategic partnership. Thus, China's relations with this group of states go beyond purely economic interests and affect the strategic interests of Beijing, such as active promotion of the large-scale "Belt and Road Initiative," which implies the intensification of China's policy in the Middle East. The methodological basis of the study is an interdisciplinary approach. The authors adhere to the neorealism, particularly the theory of the balance of power and regional security complexes, the principle according to which the foreign policy of a state is heavily dictated by the logic of the international system and the distribution of power among states. The power transit theory allows us to understand better the current role of China becoming a superpower in world politics. The research also applies such methods of historical science as chronological, genetic, systemic-structural, and comparative methods. The collection and processing of a significant layer of statistical data makes it possible to highlight the emergence of new powerful political actors in the Middle East.

Key words: Middle East, China, Gulf Cooperation Council, energy security, Belt and Road Initiative, BRI, strategic partnership

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project number 20-014-00039 "Models and Risks of Cooperation in the Middle East region in the First Quarter of the XXI Century."

For citation: Savicheva, E. M., Brebdane, A. M., & Ryzhov, I. V. (2022). China and Gulf Cooperation Council countries: From economic deals to strategic partnerships. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 180—196. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196>

Введение

В российской историографии пока не так много работ, в которых бы исследовались различные стороны сотрудничества КНР с арабскими странами Персидского залива, достигшего в ряде случаев уровня стратегического партнерства. Следует выделить труд известной российской арабистки Е.С. Мелкумян, в котором особое внимание уделяется периоду, когда и в Китае, и в Омане «были приняты перспективные планы развития, реализация которых стала стимулом для дальнейшего расширения оmano-китайских

связей» (Мелкумян, 2020, с. 46). Такие авторы, как Т.Л. Дейч (2018), Е.И. Сафронова (2018), М.Ф. Ильминская (2015), Ж.В. Петрунина (2016) в своих исследованиях подчеркивают стратегическую важность для Китая поставок ресурсов из Ближневосточного региона. Е.Н. Грачиков (2019) анализирует особенности стратегии партнерских отношений КНР.

Из англоязычной литературы отметим, прежде всего, работы китайских экспертов, среди которых С. Ву (Wu, 2015), оценивающий роль инициативы «Один пояс, один

путь» в продвижении сотрудничества между Китаем и арабскими странами Залива, а также М. Чен (Chen, 2011), Ж. Ли (Liu, 2016). Интерес также представляли и труды, посвященные экономической дипломатии Китая (Sun & Zoubir, 2015).

Дж. Фултон, один из ярких представителей западной историографии, утверждает, что как экономические, так и внутривосточные потребности арабских стран Залива предопределили мощную поддержку с их стороны инициативы «Один пояс, один путь». Однако при этом ее реализация может привести к обострению ситуации в субрегионе и появлению напряженности либо между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и их конкурентами на Ближнем Востоке, либо между значимыми внерегиональными игроками¹.

Т. Ниблок, профессор Института арабских и исламских исследований Эксетерского университета, в своей работе отмечает, что страны Залива и Китай, в первую очередь, пошли на экономическое сближение, но они также перешли на уровень более тесного политического партнерства, стратегическое значение которого с течением времени будет только возрастать (Niblock, 2017). Дж. Гарлик и Р. Хавлова (Garlick & Havlova, 2020) представляют исследование подходов Китая к защите и расширению своих интересов в Персидском заливе в свете ирано-саудовского соперничества.

В последнее десятилетие КНР становится все более влиятельным актором в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Хотя до недавнего времени эта держава считалась здесь «новичком» и китайские подходы к ближневосточным политическим вызовам и проблемам безопасности отличала традиционная осторожность, тем не менее Китай по мере расширения своего

экономического присутствия в этом важном регионе неуклонно укрепляет многоплановое взаимодействие с арабскими странами.

Отношения Пекина со странами БВСА основываются прежде всего на глобальном спросе Китая на добываемые в регионе энергоносители, а также знаменитой китайской инициативе «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI), о запуске которой было широко объявлено в 2013 г. С 2015 г. Китай считается крупнейшим мировым покупателем сырой нефти², при этом более половины импорта «черного золота» поступает именно с Ближнего Востока. Кроме того, Ближний Восток, будучи стратегически важным логистическим перекрестком, расположенным на стыке Азии, Европы и Африки, приобретает особую значимость в контексте нацеленного в будущее масштабного проекта «Один пояс, один путь», который призван сделать Китай ключевым игроком в сфере торгово-экономических коммуникаций. За пределами Азиатско-Тихоокеанского региона Ближний Восток благодаря богатым углеводородным ресурсам и геостратегическому положению может рассматриваться в качестве важнейшего для Пекина региона³.

В настоящее время «центр тяжести» политики Китая в Ближневосточном регионе заметно смещен в сторону Персидского залива в силу доминирующего положения, которое государства Залива занимают на мировых нефтегазовых рынках. Хотя китайская инициатива «Один пояс, один путь» пока не получила широкой реализации в арабских монархиях Залива, за исключением Омана, тем не менее страны — члены ССАГПЗ не скрывают своей заинтересованности в привлечении крупных китайских девелоперов, особенно в отраслях инфраструктуры и энергетики, что

¹ Fulton J. The G.C.C. Countries and China's Belt and Road Initiative (BRI): Curbing Their Enthusiasm? // Middle East Institute. October 17, 2017. URL: <https://www.mei.edu/publications/gcc-countries-and-chinas-belt-and-road-initiative-bri-curbing-their-enthusiasm> (accessed: 27.11.2021).

² China has Become the World's Biggest Crude Oil Importer for the First Time // Time. May 11, 2015. URL: <https://time.com/3853451/china-crude-oil-top-importer/> (accessed: 27.11.2021).

³ Scobell A., Nader A. China in the Middle East: The Wary Dragon // RAND Corporation. 2016. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1229/RAND_RR1229.pdf (accessed: 27.11.2021).

означало бы их приобщение к вышеупомянутой инициативе Пекина⁴. Представляется, что на практике характер связей между Китаем и государствами Персидского залива постепенно трансформируется, вырастая из формата двусторонних сделок (порой очень крупных, но не всегда выстроенных системно) до уровня стратегических отношений (Vazoobandi, 2020). С учетом важности региона политика Пекина становится все более амбициозной и изощренной с точки зрения экономических и дипломатических подходов и, в меньшей степени, вопросов безопасности⁵.

С момента публикации двух «Белых книг» («Прекрасные перспективы и практические шаги по совместному созданию экономического Шелкового пояса и морского Шелкового пути XXI века» 2015 г. и «О политике Китая в отношении арабских государств» 2016 г.) отношения между Китаем и странами Персидского залива приобрели более четкие очертания. Указанные публикации, в сущности, не содержат специальной конкретики именно в отношении Ближнего Востока, однако там сформулированы ключевые направления развития сотрудничества КНР с зарубежными странами в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а именно: политическая координация, инфраструктурная взаимосвязанность, беспрепятственный товарообмен, свободное движение капитала, сближение между народами⁶.

⁴ Fulton J. The G.C.C. Countries and China's Belt and Road Initiative (BRI): Curbing Their Enthusiasm? // Middle East Institute. October 17, 2017. URL: <https://www.mei.edu/publications/gcc-countries-and-chinas-belt-and-road-initiative-bri-curbing-their-enthusiasm> (accessed: 27.11.2021).

⁵ Lons C., Fulton J., Sun D., Al-Tamimi N. China's Great Game in the Middle East // European Council on Foreign Relations. October 21, 2019. URL: https://ecfr.eu/publication/china_great_game_middle_east/ (accessed: 27.11.2021).

⁶ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века // Госкомитет по делам развития и реформ. Министерство иностранных дел и Министерство коммерции КНР. 28.03.2015. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/>

Такой подход находился в полном соответствии с официально декларированными схемами сотрудничества между Китаем и странами ССАГПЗ. Так, в политическом документе, увидевшем свет в 2016 г. под эгидой МИД КНР, была презентована схематическая модель сотрудничества «1 + 2 + 3» (рис. 1), согласно которой Китай и арабские страны будут концентрировать усилия на совместных проектах в энергетике, торговле и инвестициях, инфраструктуре, а дополнительным подспорьем тесного взаимодействия послужат три сферы, в которых активно внедряются высокие технологии и инновации — ядерная энергетика, альтернативные источники энергии и космос⁷.

В документе также упоминаются предполагаемые перспективные сферы сотрудничества, среди которых подготовка специалистов, обмен развединформацией, оборона и борьба с терроризмом, что нашло свое подтверждение в выступлении председателя КНР Си Цзиньпина в штаб-квартире ЛАГ (Каир, 21 января 2016 г.). По словам китайского лидера, Пекин в арабском мире не нацелен на поиск единичного привилегированного партнера или отдельной сферы сотрудничества, не стремится к «заполнению вакуума» сугубо для собственной выгоды — напротив, он хотел бы содействовать делу мира и одновременно обрести широкий круг друзей и партнеров, желающих примкнуть к китайской инициативе «Один пояс, один путь» на взаимовыгодной основе и ради достижения высоких результатов⁸.

[zxxx/201504/t20150415_766831.html](https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1331683.shtml) (дата обращения: 27.11.2021).

⁷ China's Arab Policy Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. January 13, 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1331683.shtml (accessed: 27.11.2021).

⁸ Work Together for a Bright Future of China-Arab Relations: Speech by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China at the Arab League Headquarters, Cairo, 21 January 2016 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1335484.shtml (accessed: 27.11.2021).

Рис. 1. Схематическая модель сотрудничества «1 + 2 + 3»

Источник: China's Arab Policy Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. January 13, 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1331683.shtml (accessed: 27.11.2021).

Взаимодействие в энергетической сфере

С 1993 г. Китай стал нетто-импортером сырой нефти, а в 2015 г. обошел Соединенные Штаты как крупнейший импортер. Согласно статистическим данным, опубликованным Управлением энергетической информации США (Energy Information Administration — EIA), 67,3 % потребляемой нефти в Китае в 2019 г. приходилось на импорт⁹. По имеющимся экспертным оценкам, две трети годового прироста потребления нефти в мире в указанном году произошло за счет Китая: тогда ежедневно расходовалось приблизительно 14,5 млн барр. нефти и нефтепродуктов, что на 500 000 барр./день (то есть почти на 4 %) больше, чем в предыдущем 2018 г.¹⁰ (рис. 2). Интенсивный рост китайской экономики под-

разумеет резкое или даже опережающее увеличение энергетических затрат, что, соответственно, обуславливает наращивание топливных и сырьевых поставок из-за рубежа. Таким образом, в целях укрепления национальной энергетической безопасности Китай заинтересован в поиске дополнительных источников, которых будет достаточно для бесперебойного снабжения и подпитывания стабильного экономического развития (Захаров, Русак, 2017).

В настоящее время доказанные запасы нефтяных месторождений в странах ССАГПЗ составляют порядка 30,5 % от общемировых резервов (табл. 1)¹¹. Три страны из «аравийской шестерки» входят в десятку крупнейших нефтедобывающих государств мира, и все они (исключая Бахрейн) входят в «тридцатку» крупнейших производителей. Катар является четвертым по величине в мире

⁹ How is China's Energy Footprint Changing? // China Power. January 30, 2021. URL: <https://chinapower.csis.org/energy-footprint> (accessed: 27.11.2021).

¹⁰ China // U.S. Energy Information Administration. September 30, 2020. URL: <https://www.eia.gov/international/analysis/country/CHN> (accessed: 27.11.2021).

¹¹ Statistical Review of World Energy // BP. July, 2021. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 27.11.2021).

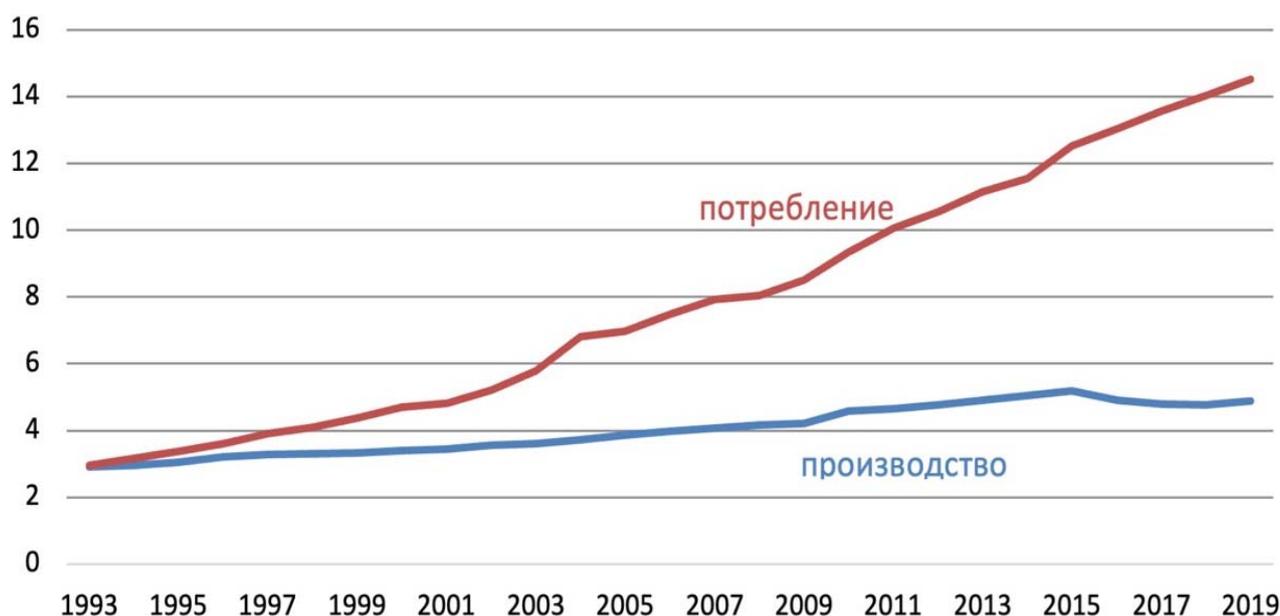

Рис. 2. Производство и потребление нефти и нефтепродуктов в Китае в 1993—2019 гг., млн барр./день
 Источник: Country Analysis Executive Summary: China // U.S. Energy Information Administration. September 30, 2020. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/china.pdf (accessed: 27.11.2021).

производителем природного газа, запасы которого составляют 12,4 % от мировых¹².

Таблица 1

Запасы нефти стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в 1999—2019 гг.

Страна	На конец 1999 г., млн баррелей	На конец 2009 г., млн баррелей	На конец 2018 г., млн баррелей	На конец 2019 г., млн баррелей	Доля в мировых запасах по состоянию на конец 2019 г., %
Саудовская Аравия	262 800	264 600	297 700	297 600	17,2
Кувейт	96 500	101 500	101 500	101 500	5,9
ОАЭ	97 800	97 800	97 800	97 800	5,6
Катар	13 100	25 900	25 200	25 200	1,5
Оман	5 700	5 500	5 400	5 400	0,3

Источник: Statistical Review of World Energy // BP. July 2021. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 27.11.2021).

¹² Statistical Review of World Energy // BP. July, 2021. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 27.11.2021).

Энергоресурсы в течение длительного времени формировали львиную долю торговли между КНР и странами ССАГПЗ. По состоянию на 2017 г., около 40 % китайского импорта сырой нефти приходилось на страны Ближнего Востока и Северной Африки¹³. В 2019 г. данный показатель составлял уже 41,3 %, причем крупнейшим поставщиком «черного золота» для Китая служила Саудовская Аравия (табл. 2)¹⁴. Прогнозы, опубликованные в 2012 г. Международным энергетическим агентством, указывают, что экспорт нефти с Ближнего Востока в Китай может удвоиться к 2035 г.¹⁵

Также следует указать на значительные поставки сжиженного природного газа (СПГ) из Катара в Китай. На данный момент Катар обеспечивает почти 28 % от общего объема

¹³ China: Country Brief // International Trade Centre. URL: <https://www.intracen.org/country/china/> (accessed: 27.11.2021).

¹⁴ Workman D. Top 15 Crude Oil Suppliers to China // World's Top Exports. URL: <http://www.worldstopexports.com/top-15-crude-oil-suppliers-to-china> (accessed: 27.11.2021).

¹⁵ World Energy Outlook 2012 // The International Energy Agency (IEA). November, 2012. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/eb15dfb-30c8-42cf-8733-672b3500aed7/WEO2012_free.pdf (accessed: 27.11.2021).

импорта СПГ в Китай. Ожидается, что китайский спрос на это сырье только за период с 2017 по 2023 г. возрастет на 60 %¹⁶.

Таблица 2
Экспорт нефти странами Персидского залива в Китай в 2019 г.

Страна	Рейтинг среди мировых поставщиков	Рейтинг среди арабских поставщиков	Доля в общем объеме импорта нефти Китаем, %	Стоимость импорта, млрд долл. США
Саудовская Аравия	1	1	16,9	40,1
Ирак	3	2	9,9	23,7
Оман	6	3	6,9	16,4
Кувейт	7	4	4,5	10,8
ОАЭ	8	5	3,1	7,3
Всего	–	–	41,3	98,3
Справочно: Иран	9	–	3	7,1

Источник: Workman D. Top 15 Crude Oil Suppliers to China // World's Top Exports. URL: <http://www.worldstopexports.com/top-15-crude-oil-suppliers-to-china> (accessed: 27.11.2021).

Принимая во внимание долгосрочные и тесные связи между странами ССАГПЗ и США, Пекин не может не испытывать опасений в связи с тем, что, как отмечают эксперты, Вашингтон может оказать давление на эти страны и перекрыть поставки энергоносителей из субрегиона в Китай¹⁷. Это дает повод Пекину воспринимать Иран как возможного ключевого партнера в регионе (Краснов, Юртаев, 2016).

По состоянию на 2019 г., Китай удовлетворял за счет иранской нефти около 3 % своих потребностей в данном продукте. Вместе с тем Пекин в основном полагается на существующую ныне архитектуру безопасности в Персидском заливе для защиты своих

торгово-экономических связей со странами субрегиона. Парадокс заключается в том, что эта система на протяжении десятилетий своего существования основывалась на партнерстве стран ССАГПЗ с США и Великобританией. Поскольку охрана водных путей в зоне Залива обеспечивается в основном американцами, это избавляет китайскую сторону от необходимости привлекать к этой задаче собственные силовые контингенты, а следовательно, и от осложнений, которые неизбежно возникли бы в случае появления в зоне Залива китайских военных¹⁸.

Однако подобное «преимущество» может в любой момент обернуться для Китая серьезной угрозой для обеспечения бесперебойных поставок углеводородов. Поскольку на данном историческом этапе вероятность торгово-экономической войны двух ведущих мировых сверхдержав становится очевидной, то тенденцию «вызревания» такой угрозы для китайских интересов никак нельзя игнорировать.

Если США будут интерпретировать взятую на себя миссию охраны морских путей в Заливе, охватывая акватории Тихого и Индийского океанов, то это может означать, что весь водный маршрут поставок углеводородов в КНР оказывается под американским контролем. С одной стороны, такая нежелательная для Пекина перспектива может побудить его принять геостратегический вызов от главного глобального конкурента и прибегнуть к неким шагам, не исключающим его прямого участия в обеспечении безопасности региона. Речь может идти о расширении ареала китайского присутствия на воде и на суше в зоне Персидского залива, а также в регионе Большого Ближнего Востока и Индо-Тихоокеанского бассейна. Мотивы для подобных рассуждений лежат на поверхности. У Китая отнюдь не одна, а сразу несколько причин для расширения своего морского присутствия в зоне Индийского океана. Этот процесс может, в свою очередь, привести

¹⁶ China to Become Top Gas Importer in 2019 Boosted by LNG — IEA // Reuters. June 26, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/gas-iea-idUSL1N1TR114> (accessed: 27.11.2021).

¹⁷ Lons C., Fulton J., Sun D., Al-Tamimi N. China's Great Game in the Middle East // European Council on Foreign Relations. October 21, 2019. URL: https://ecfr.eu/publication/china_great_game_middle_east/ (accessed: 27.11.2021).

¹⁸ Exclusive Interview: Obama on the World // The New York Times. August 10, 2014. URL: <https://www.nytimes.com/video/opinion/10000003047788/china-as-a-free-rider.html> (accessed: 27.11.2021).

и к усилению его вовлеченности в сферу безопасности на Ближнем Востоке¹⁹.

С другой стороны, нынешняя нестабильность на Ближнем Востоке напрямую влияет на политику, проводимую Пекином в регионе. Китайская сторона ощущает явный дискомфорт в условиях, когда ВМС США контролируют маршруты транспортировки нефти из Персидского залива, в том числе и в сторону Южно-Китайского моря. И действительно, в случае, если события примут неблагоприятный оборот (например, вооруженный конфликт при участии США, установление последними жесткой экономической блокады и т. п.), Китай может лишиться поставок нефти и газа с Ближнего Востока. Таким образом, намерение китайского руководства отчасти заместить импорт аравийской нефти аналогичными поставками из других географических регионов выглядит вполне логичным.

Пекин намерен диверсифицировать источники поставок энергоресурсов в страну, и инициатива «Один пояс, один путь» призвана помочь в достижении этой цели. Тем не менее значение региона Персидского залива для Китая будет и далее возрастать по мере увеличения его внутреннего спроса на углеводороды. По мнению ряда экспертов, прогнозируемое увеличение добычи сланцевой нефти и газа должно понизить спрос на ближневосточную нефть на рынках Северной Америки и Европы, при этом зависимость Китая от традиционных поставщиков ближневосточной нефти может в будущем только увеличиться²⁰.

Торговый диалог

Торговля является достаточно диверсифицированной отраслью отношений Китая со

странами Залива. За последние годы его товарооборот со странами ССАГПЗ в целом и с каждым государством — членом этой организации в отдельности значительно вырос²¹. Углеводороды составляют основную часть китайского импорта; одна только эта статья делает торговый баланс с Китаем несбалансированным в четырех аравийских монархиях из шести, а ОАЭ и Бахрейн постоянно ввозят из Китая больше, чем поставляют туда. Что касается Бахрейна, то такую ситуацию можно объяснить значительным сокращением поставок энергоресурсов и более слабой экономикой по сравнению с партнерами по ССАГПЗ. С ОАЭ ситуация иная: экономика Эмиратов в значительной части является реэкспортной, при том что их экспорт в Китай весьма значителен (почти 2,5 % его годового импорта сырой нефти)²². Вместе с тем китайские компании активно используют ОАЭ в качестве трансрегионального хаба ввиду развитой инфраструктуры и благоприятной бизнес-среды, что позволяет КНР выходить на рынки Южной Азии, Ближнего Востока и Восточной Африки (Fulton, 2020).

Что касается других аравийских монархий, то и для них значимость Китая как крупнейшего коммерческого партнера и импортера трудно переоценить, тем более памятуя о том, что «углеводородные» статьи наполняют доходную часть их бюджетов примерно на 85—90 %²³. В качестве примера приведем Султанат Оман. Нефтегазовые поступления составляют здесь от 68 до 85 % государственных доходов (доля зависит от конъюнктуры международных рынков), и эта зависимость делает Китай чрезвычайно важным партнером. 43,7 % экспортной выручки поступает в оманскую казну из Китая²⁴.

¹⁹ Lons C., Fulton J., Sun D., Al-Tamimi N. China's great game in the Middle East // European Council on Foreign Relations. October 21, 2019. URL: https://ecfr.eu/publication/china_great_game_middle_east/ (accessed: 27.11.2021).

²⁰ Quilliam N. China and the Middle East: From 'Economy Only' to 'Keeper of International Order' // The Middle East in London. Vol. 14. No. 4. June-July, 2018. URL: <https://www.soas.ac.uk/lmei/meil/recent-issues/file135013.pdf> (accessed: 27.11.2021).

²¹ Data // National Bureau of Statistic of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (accessed: 27.11.2021).

²² China: Country Brief // International Trade Centre. URL: <https://www.intracen.org/country/china/> (accessed: 27.11.2021).

²³ The CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (accessed: 27.11.2021).

²⁴ Explore All Countries — Oman // The CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/oman/> (accessed: 27.11.2021).

В 2016 г. Китай занял первое место в списке шести крупнейших экспортно-импортных рынков для всех стран ССАГПЗ²⁵. В настоящее время Китай стал для них ключевым экономическим партнером, в том числе для отдельно взятых Кувейта, Омана, Саудовской Аравии и ОАЭ. Для КНР, в свою очередь, ССАГПЗ является группой стран, которая занимает восьмое место по объемам импорта и экспорта. Интересно, что из семи ведущих торговых партнеров Китая все, кроме Германии, находятся в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона и имеют с соседом устоявшиеся торговые и исторические связи. Тем самым подтверждается тезис, что Ближний Восток стал для Китая самой крупной и важной торгово-экономической зоной за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона²⁶. В рамках инициированного Пекином в 2010 г. стратегического диалога «Китай — страны ССАГПЗ» было организовано несколько переговорных раундов (4 июня 2010 г. в Пекине, 2 мая 2011 г. в Абу-Даби, в январе 2014 г. и 25 апреля 2016 г. в Пекине) о финализации специального соглашения между Китаем и странами ССАГПЗ в целях подготовки к созданию зоны свободной торговли между Китаем и арабскими странами²⁷.

Следует отметить, что ССАГПЗ — это второй после АСЕАН интеграционный формат, который ведет переговоры по поводу соглашения о свободной торговле с Китаем. Переговорный процесс начался еще в июле 2004 г., когда Китай и страны ССАГПЗ заключили рамочное соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве,

инвестициях и технологиях. За этим последовало 9 переговорных раундов, имевших целью подписание соглашения о свободной торговле, призванное усилить взаимодействие между заинтересованными сторонами и, в частности, устранить тарифные барьеры на пути перемещения капиталов²⁸.

Также важно отметить, что в интересах поддержания взаимодействия стороны учредили ряд совместных институтов: Совместный комитет по экономике и торговле Китай — ССАГПЗ, Китайско-арабский экономический и торговый комитет, Форум по торговому сотрудничеству Китай — ССАГПЗ. Подобные же структуры были созданы в каждом из государств — членов Совета сотрудничества, в частности такие, как Ассоциация дружбы Оман — Китай, Деловой совет Китай — Катар, Ассоциация дружбы Китай — Кувейт.

Инвестиционное сотрудничество

Инвестиционное сотрудничество является еще одной опорой экономических отношений Китая со странами ССАГПЗ, и в последние годы объем финансовых вложений также значительно увеличился. В 2016 г. Китай стал крупнейшим внешним инвестором на Ближнем Востоке²⁹. По состоянию на 2018 г., почти две трети китайских инвестиций в регионе Ближнего Востока и Северной Африки приходилось на арабские страны Залива³⁰. В 2005—2020 гг. Китай направил в страны ССАГПЗ 101,33 млрд долл. США в качестве прямых инвестиций (табл. 3).

²⁵ The CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (accessed: 27.11.2021).

²⁶ Scobell A., Nader A. China in the Middle East: The Wary Dragon // RAND Corporation. 2016. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1229/RAND_RR1229.pdf (accessed: 27.11.2021).

²⁷ Аль-барнамадж ат-танфизий ли мунтада ат-таавун аль-арабий ас-сыний, 2014—2016 [Исполнительная программа Форума китайско-арабского сотрудничества на 2014—2016 гг.] // China — Arab States Cooperation Forum. 06.10.2014. URL: http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/diliujiebu_zhangjihuiyi/201406/t20140610_6907478.htm (дата обращения: 27.11.2021). (На арабском языке).

²⁸ China and Gulf nations resume free trade agreement talks // The State Council Information Office of The People's Republic of China. January 21, 2016. URL: <http://www.scio.gov.cn/32618/Document/1464959/1464959.htm> (accessed: 27.11.2021).

²⁹ Şimşek M. China and the Middle East — A priceless pivot // Central Banking Institute. May 4, 2020. URL: <https://www.centralbanking.com/central-banks/economics/4738091/china-and-the-middle-east-a-priceless-pivot> (accessed: 27.11.2021).

³⁰ Green A. GCC Trade and Investment Flows // The Economist Intelligence Unit. December 16, 2014. URL: <https://impact.econ-asia.com/perspectives/economic-development/gcc-trade-and-investment-flows-0> (accessed: 27.11.2021).

Таблица 3

Китайские инвестиции в государствах ССАГПЗ в 2005—2020 гг., млн долл. США

Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Бахрейн	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1 420	0	1 420
Кувейт	0	0	840	0	510	570	260	510	0	240	2 270	1 830	1 330	2 070	220	280	10 930
Оман	150	0	0	160	720	0	0	0	0	0	300	2 870	0	320	970	1 130	6 620
Катар	100	540	0	140	740	0	1 185	0	600	560	1 180	1 110	0	230	0	750	7 800
Саудовская Аравия	1 100	0	2 770	1 170	4 230	340	4 320	1 830	2 800	2 970	3 310	1 250	1 910	4 710	5 500	1 650	39 860
ОАЭ	0	300	650	3 550	670	130	450	1 150	730	640	760	4 150	7 790	8 010	4 320	1 400	34 700

Источник: China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (accessed: 27.11.2021).

Для стран ССАГПЗ приток инвестиций из Китая пришелся на период развития, когда страны стали стремиться к снижению зависимости от углеводородных поступлений и диверсификации национальных экономик³¹. Члены ССАГПЗ стали основными реципиентами масштабных инфраструктурных контрактов с привлечением китайских компаний, в том числе по строительству таких объектов, как стадион Лусаил в Катаре (основная площадка для проведения чемпионата мира по футболу в 2022 г.), нефтеперерабатывающий завод Янбу, высокоскоростная железнодорожная магистраль, связывающая Джидду с Меккой и Мединой, и др.³² Региональная программа развития Gulf Vision, вобравшая в себя крупные инфраструктурные проекты, открывает широкие горизонты для будущего сотрудничества. Каждая из стран ССАГПЗ занялась формированием собственного «видения», в частности программ *Saudi Vision 2030*, *Kuwait Vision 2035 “New Kuwait”*, *Abu Dhabi’s Vision 2030*, *Qatar National Vision 2030*, *Oman Vision 2040*, *Bahrain Economic Vision 2030*. Все это, по сути, представляет собой национальные варианты проектов по диверсификации экономики стран ССАГПЗ, иначе говоря, проекты перехода от модели

рантье, построенной на эксплуатации одного углеводородного ресурса, к «постнефтяной» модели, где прямые иностранные инвестиции становятся важной составляющей экономического развития (Kamrava, 2018).

Летом 2018 г. Китай анонсировал очередной раунд инвестиций и кредитования на сумму 23 млрд долл. США. Портам и промышленным комплексам уделяется особое внимание, поскольку они формируют логистическую цепочку, связывающую Китай с Персидским заливом, а также с морями — Аравийским, Красным и Средиземным. В Пекине о таком подходе заговорили летом 2018 г., в частности в презентационном материале, именуемом *Industrial Park-Port Interconnection, Two-Wheel and Two-Wing Approach*, содержался следующий тезис: «Китайская сторона заинтересована в участии в строительстве морских портов и планируемой железнодорожной сети арабских стран, а также поддерживает арабскую сторону в создании “золотой логистической цепи”, связывающей Центральную Азию, Восточную Африку, Индийский океан и Средиземное море»³³. Порт Халифа в ОАЭ, оманский порт Дукм, порт Джизан в Королевстве Саудовская Аравия (КСА), порты Айн-Сохна и Порт-Саид в Египте (на Суэцком канале), а также порт Джибути служат опорными точками

³¹ Mercy A.K. China in the Middle East: Influence and Investment // *The Diplomat*. September 25, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/09/china-in-the-middle-east-influence-and-investment/> (accessed: 27.11.2021).

³² Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative // China — Arab States Cooperation Forum. July 10, 2018. URL: <http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/P020210828308252626492.pdf> (accessed: 27.11.2021).

³³ Xi Jinping Delivers a Speech at The Opening Ceremony of The Eighth Ministerial Meeting of The China — Arab States Cooperation Forum // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. July 10, 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1575994.shtml (accessed: 27.11.2021).

этого проекта, и именно там будет производиться существенная часть работ по реализации инициативы «Один пояс, один путь» на Ближнем Востоке.

Сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

С момента провозглашения Китаем инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. страны ССАГПЗ рассматривают ее как драйвер укрепления двустороннего сотрудничества. Инициатива содержит 6 основных векторов, они же — экономические коридоры, или «полосы движения». Эти коридоры формируют архитектуру указанной инициативы и представляют видение Китая, а именно то, каким образом зарубежные страны и регионы могут в ней участвовать³⁴. Впрочем, среди предлагаемых направлений действия инициативы Аравийский полуостров не значился³⁵. Тем не менее лидеры Китая и стран ССАГПЗ трактовали «Один пояс, один путь» как важнейшую составляющую своих отношений, и проекты, уже принятые там к реализации китайскими компаниями, проводились под эгидой упомянутой инициативы³⁶.

Как уже отмечалось, в основу сотрудничества по линии «Одного пояса, одного пути» положено пять принципов: «Политическая координация», «Взаимосвязанность инфраструктуры», «Бесперебойный торговый обмен», «Свободное перемещение капитала»,

³⁴ Экономический коридор Новый Евразийский наземный мост (NELBEC); Экономический коридор Китай — Монголия — Россия (CMREC); Экономический коридор Китай — Центральная Азия — Западная Азия (CCWAEC); Экономический коридор Китай — Индокитайский полуостров (CICPEC); Бангладеш — Китай — Индия — Экономический коридор Мьянмы (BCIMEC); Экономический коридор Китай — Пакистан (CPEC).

³⁵ Yini H. China to Invest \$900b in Belt and Road Initiative // China Daily. May 28, 2015. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/business/2015-05/28/content_20845687.htm (accessed: 28.11.2021).

³⁶ Fulton J. The G.C.C. Countries and China's Belt and Road Initiative (BRI): Curbing Their Enthusiasm? // Middle East Institute. October 17, 2017. URL: <https://www.mei.edu/publications/gcc-countries-and-chinas-belt-and-road-initiative-bri-curbing-their-enthusiasm> (accessed: 27.11.2021).

«Сближение между народами». Вместе с тем китайская экономическая дипломатия опиралась на подобные положения еще до выдвижения Пекином инициативы в 2013 г. Как известно, Китай традиционно концентрируется на торгово-экономических аспектах отношений с зарубежными партнерами, оставляя политические вопросы на периферии своего внимания (Sun & Zoubir, 2015, pp. 907—908).

Наблюдается отчетливая синергия между проектами из серии «Видение» для стран Персидского залива и китайской инициативой: и в том, и в другом случае приоритет отдается связыванию в одну систему объектов и соотнесению политических соображений с аспектами экономического сотрудничества. Ряд лидеров аравийских монархий однозначно подтвердил связь между проектами «Видения» и инициативой «Один пояс, один путь». Так, наследный принц Саудовской Аравии Мухаммад бин Сальман назвал это «одним из основных столпов концепции Саудовской Аравии *Vision 2030*»³⁷. Ради достижения этой цели саудовский лидер в 2016 г. отправился в Китай в составе королевской делегации, включавшей также министров торговли, инвестиций, энергетики, промышленности и минеральных ресурсов, культуры, информации и информационных технологий. С их участием в Пекине была проведена панельная дискуссия на тему «*Saudi Vision 2030* и Инициатива “Один пояс, один путь”»: вместе ради перспективного будущего». Кроме того, в ходе этого визита было подписано 15 двусторонних меморандумов о взаимопонимании по проектам, связанным с планом *Vision 2030* по диверсификации экономики Саудовской Аравии³⁸.

В марте 2017 г. состоялся государственный визит в Пекин короля Сальмана. Кульминацией встречи стало подписание

³⁷ Fusing Vision 2030 with Belt Road Initiative // Arab News. September 3, 2016. URL: <http://www.arabnews.com/node/979346/saudi-arabia> (accessed: 27.11.2021).

³⁸ Saudi Arabia Signs Initial Deals with China on Prince's Visit // Reuters. August 30, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-china-agreements/saudi-arabia-signs-initial-deals-with-china-on-princes-visit-idUSKCN1151HT> (accessed: 27.11.2021).

контрактов на сумму 65 млрд долл. США. Кроме того, деловые круги двух стран подписали 22 соглашения о совместных инвестиционных проектах, многие из которых относились также и к программе *Vision 2030*³⁹. Интересная подробность: группа китайских экспертов выдвинула инициативу о сооружении железной дороги между КНР и КСА через территории Афганистана, Ирана и сопредельных стран Залива. Однако в свете политической напряженности, сохраняющейся между странами ССАГПЗ и Ираном, шансы на реализацию подобной идеи пока невелики⁴⁰.

Объединенные Арабские Эмираты обладают внушительным потенциалом, чтобы стать ключевым координатором и заметным бенефициаром инициативы «Один пояс, один путь». ОАЭ заняли 16-е место в отчете о глобальной конкурентоспособности, опубликованном несколько лет назад Всемирным экономическим форумом⁴¹. ОАЭ являются наиболее важным коммерческим партнером Китая в арабском мире, и на них приходится 26 % всей китайской торговли в регионе, не связанной с нефтью⁴².

Инициатива «Один пояс, один путь» еще более упрочит преимущество ОАЭ как регионального центра финансовых операций — обстоятельство, которое позволит ускорить и финансовое сотрудничество с Китаем. В

³⁹ China, Saudi Arabia sign US\$65 Billion in Deals as King Salman Starts Beijing Visit // South China Morning Post. March 16, 2017. URL: <https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2079528/china-saudi-arabia-sign-us65-billion-deals-king-salman> (accessed: 27.11.2021).

⁴⁰ Jin L., Janardhan N. Belt and Road Initiative: Opportunities and Obstacles for the Gulf // The Emirates Diplomatic Academy. June 2018. URL: https://www.agda.ac.ae/docs/default-source/Publications/edainsight_beltandroad_en.pdf?sfvrsn=4 (accessed: 27.11.2021).

⁴¹ The Global Competitiveness Report 2016—2017 // World Economic Forum. 2016. P. XIII. URL: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf (accessed: 27.11.2021).

⁴² China Leading Trade Partner of UAE: Al Mansouri // Gulf News. July 22, 2019. URL: <https://gulfnews.com/uae/china-leading-trade-partner-of-uae-al-mansouri-1.65370898> (accessed: 27.11.2021).

декабре 2016 г. Сельскохозяйственный банк Китая (Agricultural Bank of China, ABC) получил разрешение на открытие в Эмиратах отделения банка для ведения расчетов в юанях, после чего в мае 2017 г. начал работу клиринговый банк ABC RMB в Дубае⁴³. К концу того же года четыре китайских банка открыли здесь семь филиалов; ожидается, что они помогут в стимулировании торговых связей между двумя странами и изучении вопросов финансирования в рамках китайской инициативы. Кроме того, в ОАЭ проживает самая большая китайская община на Ближнем Востоке, включающая от 200 тыс. до 300 тыс. физических лиц и более 4 200 компаний. В Дубае действуют филиалы четырех крупнейших банков Китая, а также центр валютных свопов, который в 2018 г. произвел транзакции на сумму около 7 млрд долл. США в китайских юанях⁴⁴.

Если рассматривать развитие отношений Пекина с Оманом, то необходимо отметить, что с конца 2016 г. Китай вкладывает миллиарды долларов в превращение района Дукм, рыбацкой деревни в 550 км к югу от столицы Омана города Маскат, в индустриально-логистический центр. Хотя проект служит частью национальной стратегии экономической диверсификации, но, по всей вероятности, он одновременно свидетельствует об успехе китайских усилий по продвижению инициативы «Один пояс, один путь». Район Дукм расположен на берегу Аравийского моря, и именно поэтому он является потенциально выгодной площадкой для возведения китайских производственных предприятий, чья продукция будет ориентирована на расположенные недалеко экспортные рынки субрегиона Персидского залива, Индийского субконтинента и Восточной Африки. Кроме

⁴³ Agricultural Bank of China Starts RMB Settlement in UAE // Xinhua. May 10, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/10/c_136272388.htm (accessed: 27.11.2021).

⁴⁴ Fulton J. China is Becoming a Major Player in the Middle East // MarshMcLennan: Brink. September 18, 2019. URL: <https://www.brinknews.com/china-is-becoming-a-major-player-in-the-middle-east/> (accessed: 27.11.2021).

того, Дукм расположен рядом с источниками углеводородного сырья, которые китайские компании собираются задействовать здесь для производственных нужд. Китайцы уже инвестировали в Дукм порядка 3,06 млрд долл. США⁴⁵. Ожидается, что эта цифра увеличится до 10,7 млрд долл. США в течение срока реализации проекта, сообщает компания Oman Wanfang LLC. Помимо этого, Оман заинтересован в инвестировании в особую экономическую зону в Гвадаре (проект, продвигаемый Китаем в Пакистане)⁴⁶.

В Кувейте также подтверждают, что инициатива «Один пояс, один путь» поможет ему достичь целей, изложенных в программе «Новый Кувейт 2035» (*Kuwait Vision 2035 "New Kuwait"*)⁴⁷. В этом эмирате планируют возвести «Шелковый город» — проект, который обойдется примерно в 100 млрд долл. США и в итоге приведет к появлению нового транспортного, логистического и финансового центра. И это опять-таки будет «вкладом в копилку» китайской инициативы «Один пояс, один путь». На данный момент в нефтяном, строительном и инфраструктурном секторах Кувейта работают около 40 китайских компаний.

В Катаре уже были реализованы несколько китайских инфраструктурных проектов; только в 2014 г. были заключены сделки на сумму 8 млрд долл. США⁴⁸. Правда, с того времени активность катарцев по линии названной китайской программы несколько снизилась. Тем временем Китай открыл два

валютных клиринговых центра в Катаре⁴⁹ и ОАЭ, а также учредил два совместных инвестиционных фонда с этими двумя странами на общую сумму 20 млрд долл. США⁵⁰.

Бахрейн меньше других соседей продвинулся в части кооперации с китайской инициативой, хотя, несомненно, и он получит преимущества от участия в ней. Это, по мнению авторов, было бы полезным для диверсификации экономики, снижения чрезмерной зависимости от Соединенных Штатов, а также послужило бы признанием того, что Китай становится важным торговым и инвестиционным партнером также и для этого монархического государства.

Таким образом, стремление к сопряжению инициативы «Один пояс, один путь» с планами развития стран Персидского залива было перенесено на уже существующий задел в отношениях, который успели наработать китайские компании в рамках осуществлявшихся ранее инфраструктурных и строительных проектов. В период с 2005 по 2014 г. строительные и инфраструктурные контракты Китая в странах ССАГПЗ достигли 30 млрд долл. США, что составило 8 % от общемирового объема китайских инвестиций за этот период⁵¹.

Официальные лица используют протокольные визиты и многосторонние форумы для декларации поддержки китайской инициативы, подчеркивая взаимодополняющий характер национальных и региональных планов развития зоны Залива. В частности, эта тема получила исчерпывающую поддержку в ходе Форума китайско-арабского сотрудничества (10 июля 2018 г., Пекин). Состоявшееся тогда

⁴⁵ Chinese Firms to Set up 25 Projects in Duqm Free Zone // Times of Oman. October 2, 2017. URL: <https://timesofoman.com/article/43434-chinese-firms-to-set-up-25-projects-in-duqm-free-zone> (accessed: 27.11.2021).

⁴⁶ Pakistan, Oman Discuss Opportunities Offered by CPEC, Gwadar Port // Times of Islamabad. May 8, 2017. URL: <https://timesofislamabad.com/08-May-2017/pakistan-oman-discuss-opportunities-offered-by-cpec-gwadar-port> (accessed: 27.11.2021).

⁴⁷ Kuwait, China Share Enthusiasm on 'Belt and Road' Economic Initiative // Kuwait Time. May 13, 2017. URL: <http://news.kuwaittimes.net/pdf/2017/may/13/p03.pdf> (accessed: 27.11.2021).

⁴⁸ Alagos P. Qatar and China Sign \$8bn Infrastructure Deals // Gulf Times. April 8, 2015. URL: <https://www.gulf-times.com/story/434171/Qatar-and-China-sign-8bn-infrastructure-deals-in-1> (accessed: 27.11.2021).

⁴⁹ Renminbi Clearing Centre in Qatar to Strengthen Commercial & Economic Ties between China and the MENA Region // Qatar Central Bank. April 15, 2015. URL: <http://www.qcb.gov.qa/english/news/pages/renminbiclearingcentre.aspx> (accessed: 27.11.2021).

⁵⁰ Declaration of Action on China — Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative // China — Arab States Cooperation Forum. July 10, 2018. URL: <http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/P020210828308252626492.pdf> (accessed: 27.11.2021).

⁵¹ Green A. GCC Trade and Investment Flows // The Economist Intelligence Unit. December 16, 2014. URL: <https://impact.econ-asia.com/perspectives/economic-development/gcc-trade-and-investment-flows-0> (accessed: 27.11.2021).

же очередное министерское совещание приняло китайско-арабскую декларацию о создании «Одного пояса, одного пути», а Китай объявил о подписании документов о сотрудничестве в его рамках с девятью арабскими странами (Саудовская Аравия, Судан, Ирак, Оман, Катар, Кувейт, Ливан, Египет, Марокко). Пять арабских стран подписали документы о сотрудничестве с Китаем в сфере производства (ОАЭ, Алжир, Саудовская Аравия, Судан, Египет). Семь арабских стран стали членами Фонда Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (ОАЭ, Саудовская Аравия, Иордания, Оман, Катар, Кувейт и Египет)⁵².

Другие арабские страны и Лига арабских государств также приняли активное участие в первой сессии форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь», состоявшейся в Пекине в мае 2017 г. На второй сессии той же направленности, прошедшей в апреле 2019 г., было объявлено, что 19 арабских стран подписали документы о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (в их числе одни только ОАЭ заключили соглашение о сотрудничестве на сумму 3,4 млрд долл. США)⁵³. В дополнение к уже имеющимся компонентам программы «Один пояс, один путь» форум 2017 г. огласил новое измерение — «Цифровой Шелковый путь»⁵⁴. Эта идея согласуется с планами, недавно озвученными в ОАЭ и КСА.

Стратегическое партнерство Китая со странами ССАГПЗ

Стратегия партнерских отношений, использующая такие инструменты, как

⁵² Declaration of Action on China — Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative // China — Arab States Cooperation Forum. July 10, 2018. URL: <http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/P020210828308252626492.pdf> (accessed: 27.11.2021).

⁵³ The UAE Signed a Massive, \$3.4 Billion Deal with China — and That 'Isn't a Surprise' // CNBC. April 29, 2019. URL: <https://www.cnbc.com/2019/04/29/china-uae-trade-deal-on-belt-and-road-isnt-a-surprise-wef-president.html> (accessed: 27.11.2021).

⁵⁴ Full text of President Xi's Speech at Opening of Belt and Road Forum // Xinhua. May 14, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (accessed: 27.11.2021).

взаимное доверие, экономическая взаимозависимость, культурные контакты, поддержка в вопросах обеспечения безопасности, — главный ресурс дипломатии Китая. Поскольку расширение и углубление двусторонних отношений способствует реализации его стратегических целей (Грачиков, 2019), взаимодействие Китая со странами Ближнего Востока и Северной Африки стало важнейшим компонентом глобальной партнерской сети. Зона Персидского залива — важный регион стратегического партнерства Китая, поскольку китайские интересы в регионе значительны. Почти все соглашения о стратегическом партнерстве, являющемся плодом сотрудничества, дополняющим проект «Один пояс, один путь», заключены Китаем с арабскими странами на протяжении последнего десятилетия.

В 2016 г. председатель КНР Си Цзиньпин прибыл с визитом в Саудовскую Аравию, и две страны декларировали всеобъемлющее стратегическое партнерство и высший уровень дипломатических отношений. То же самое было сделано в ходе пребывания китайского лидера в Объединенных Арабских Эмиратах летом 2018 г. Кувейт, Катар и Султанат Оман установили стратегическое партнерство, которое является вторым по статусу уровнем китайского партнерства (табл. 4).

Неудивительно, что именно Саудовская Аравия и ОАЭ были выбраны в качестве всеобъемлющих стратегических партнеров. Первая является доминирующей силой в регионе и важнейшим торговым партнером Китая. «Возвышение» Эмиратов свидетельствует о том, что Пекин рассматривает их как ключевого регионального игрока, что было подчеркнуто в совместном заявлении, в котором китайская сторона дала высокую оценку «конструктивной роли, которую ОАЭ играют в региональных делах»⁵⁵. По мнению китайской стороны, ОАЭ имеют ряд преимуществ перед другими членами ССАГПЗ, а именно: сравнительно высокую политическую стабильность, приобретенный статус регионального

⁵⁵ UAE, China Issue Joint Statement, Agree to Establish Comprehensive Strategic Partnership // Emirates News Agency. July 21, 2018. URL: <http://wam.ae/en/details/1395302699891> (accessed: 27.11.2021).

центра логистики и инфраструктуры, обеспечение комфортных условий для ведения бизнеса⁵⁶. ОАЭ и сами стремятся играть функцию «главных ворот» в регион для инициативы «Один пояс, один путь».

Таблица 4

Статус двусторонних отношений между Китаем и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива

Страна	Статус	Год подписания
Саудовская Аравия	Всесторонние стратегические партнерские отношения	2016
Объединенные Арабские Эмираты	Всесторонние стратегические партнерские отношения	2018
Катар	Стратегические партнерские отношения	2014
Кувейт	Стратегические партнерские отношения	2018
Оман	Стратегические партнерские отношения	2018

Источник: Xi Jinping Holds Talks with King Salman bin Abdulaziz Al Saud of Saudi Arabia: Two Heads of State Jointly Announce Establishment of China-Saudi Arabia Comprehensive Strategic Partnership // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. January 20, 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2878_663746/2880_663750/201601/t20160121_534799.html (accessed: 27.11.2021); China, UAE Agree to Lift Ties to Comprehensive Strategic Partnership // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. July 21, 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2903_663806/2905_663810/201807/t20180723_536488.html (accessed: 27.11.2021); Xi Jinping Holds Talks with Kuwaiti Emir Sheikh Sabah Al-Ahmad Al-Jaber Al-Sabah // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. July 9, 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2838_663666/2840_663670/201807/t20180710_533545.html (accessed: 27.11.2021); Xi Jinping Holds Talks with Emir Tamim bin Hamad Al Thani of Qatar and Two Heads of State Together Announce to Establish China-Qatar Strategic Partnership // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. November 3, 2014. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2838_663666/2840_663670/201807/t20180710_533545.html (accessed: 27.11.2021).

⁵⁶ Fulton J. Friends with Benefits: China's Partnership Diplomacy in the Gulf / ed. by M. Lynch, A. Jamal // Shifting Global Politics and the Middle East: POMEPS Studies 34. Washington: Middle East Political Science, 2016. P. 33—39. URL: https://pomeps.org/wp-content/uploads/2019/03/POMEPS_Studies_34_Web.pdf (accessed: 27.11.2021).

0/xybfs_663590/gjlb_663594/2873_663736/2875_663740/201411/t20141105_534483.html (accessed: 27.11.2021); Xi Jinping and Sultan Qaboos bin Said of Oman Exchange Congratulatory Messages, Announcing the Establishment of China-Oman Strategic Partnership and Celebrating the 40th Anniversary of the Establishment of Bilateral Diplomatic Relations // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. May 25, 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2863_663716/2865_663720/201805/t20180529_534113.html (accessed: 27.11.2021).

Каковы перспективы перехода других стран ССАГПЗ именно к всеобъемлющему стратегическому партнерству? Изучению этого вопроса уделил внимание Георг Стрювер из Германского института глобальных и региональных исследований (German Institute for Global and Area Studies, GIGA). Он обращает внимание, что китайские лидеры соблюдают особую осторожность при выборе внешнего партнера на таком высоком уровне и руководствуются при этом необходимым сочетанием трех условий: высокий уровень политического доверия, тесные экономические связи и высокая оценка качества сотрудничества, достигнутого в других областях (например в сфере культуры). Помимо структуры двусторонних отношений в Пекине придается большое значение месту, занимаемому конкретным государством на международной арене. Пекин рассматривает этот уровень партнерства только с теми, кто «играет важную роль в международной экономике и политике» (Strüver, 2017, p. 45).

В свою очередь, российский востоковед-китаист Е.Н. Грачиков добавляет к оценкам германского коллеги еще один «критерий годности». Это — признание принципа «одного» — единого Китая, иначе говоря, однозначная поддержка позиции Пекина в отношении Тайваня, Тибета и Синьцзяна (а в будущем, безусловно, к этому перечислению должно добавиться подтверждение внешним партнером суверенных прав КНР на острова в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях). Е.Н. Грачиков также отмечает наличие традиции, которой придерживается Пекин при оценке степени влияния стран-партнеров в их макрорегионах, равно как и возможности использования их потенциалов для расширения

дипломатического ресурса КНР в проведении своей политики в тех или иных регионах.

Таким образом, страны-партнеры оказались поделены на две более узкие группы — опорные партнеры (*zhidian*, 支点), которые поддерживают коренные национальные интересы КНР, и узловые (*jiedian*, 结点), используемые КНР для расширения своих внешнеполитических ресурсов (Грачиков, 2019). Согласно такой градации, страны ССАГПЗ не квалифицируются ни в качестве узловых, ни опорных. С учетом установленных Пекином критериев государства Персидского залива, кроме КСА и ОАЭ, вряд ли выйдут на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. К примеру, отношения КНР с Катаром весьма тесны, но все-таки не на том уровне, как с вышеупомянутыми двумя соседними монархиями. К тому же следует принять во внимание до сих пор не устраненные противоречия между Катаром и так называемым «контртеррористическим квartetом» (КСА, АРЕ, ОАЭ и Бахрейн). Вероятно, в данном случае Пекин предпочитает практиковать «тихую дипломатию»⁵⁷. Связи с Оманом также довольно развиты, и проект порта Дукм указывает на наличие у Пекина стратегических замыслов. Однако с экономической точки зрения Оман менее важен, что делает маловероятным придание двустороннему сотрудничеству привилегированного статуса. Что касается Бахрейна, то его особое партнерство с Китаем официально не зафиксировано, а двусторонняя торговля незначительна.

Руководство стран Ближнего Востока и Северной Африки обычно приветствует партнерство с Пекином, утверждая, что он относится к ним как к равным, а не как к младшим партнерам. Помимо своей политики

невмешательства в чужие внутренние дела, неприсоединения и отказа участвовать в войнах (в частности через прокси) Китай, как правило, оставался в хороших отношениях со всеми сторонами региональных конфликтов, включая Иран, Саудовскую Аравию с союзниками и остальные арабские государства (в том числе Алжир, Марокко и др.), а также Израиль.

Заключение

Растущие амбиции Китая по интеграции региона Ближнего Востока и Северной Африки в инициативу «Один пояс, один путь» в силу экономических и политических причин привели к значительному росту участия Китая в делах региона. Два самых влиятельных государства ССАГПЗ — Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты — останутся краеугольным камнем китайского экономического курса на Ближнем Востоке. Постоянные усилия Китая по обеспечению энергоресурсами и налаживанию стратегических партнерских отношений в дополнение к проекту «Один пояс, один путь» будут и дальше оставаться источником прямой конкуренции с Соединенными Штатами. Не исключается, что члены ССАГПЗ могут всерьез рассмотреть перспективу политических договоренностей и совместных мер безопасности с Китаем, особенно если Соединенные Штаты частично уйдут с Ближнего Востока или если между Вашингтоном и столицами стран ССАГПЗ возникнет какая-либо напряженность. Разумеется, выбор Пекина при подобном развитии событий будет нелегким. Если Китай вознамерится сделать ставку на усиление своего влияния в БВСА, ему придется, так или иначе, погрузиться в хаотичную геополитическую атмосферу этого региона и более настойчиво применять здесь свои экономические активы и рычаги стратегического влияния.

⁵⁷ Fulton J. China's Approach to the Gulf Dispute // *Asia Dialogue*. May 3, 2018. URL: <https://theasiadialogue.com/2018/05/03/chinas-approach-to-the-gulf-dispute/> (accessed: 27.11.2021).

Поступила в редакцию / Received: 15.04.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 12.07.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Грачиков Е. Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и концептуализация (1993—2018) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 3. С. 83—93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93>
- Дейч Т. Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 3. С. 595—611. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-595-611>
- Захаров А. Н., Русак Н. Внешнеэкономические аспекты энергетической стратегии КНР и роль постсоветского пространства // *Мировое и национальное хозяйство*. 2017. № 4 (43). С. 23—28.
- Ильминская М. Ф. Регион Персидского залива как зона геополитических интересов Китая // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 152—161.
- Краснов К. Г., Юртаев В. И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16, № 4. С. 616—627. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2016-16-4-616-627>
- Мелкумян Е. С. Султанат Оман — КНР: стратегическое партнерство // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 12. С. 46—50. <https://doi.org/10.31857/S032150750012798-9>
- Петрунина Ж. В. Китай и страны Ближнего Востока: история развития отношений во второй половине XX — начале XXI вв. // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. 2016. Т. 2, № 1 (25). С. 16—20.
- Сафронова Е. И. КНР и страны Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока // *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2017—2018* / под общ. ред. С.Г. Лузянина. Москва : Форум, 2018. С. 321—336.
- Bazoobandi S. *The New Regional Order in the Middle East: Changes and Challenges*. London, New York : Palgrave Macmillan, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-27885-4>
- Chen M. Exploring Economic Relations between China and the GCC States // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2011. Vol. 5, no. 4. P. 88—105. <https://doi.org/10.1080/19370679.2011.12023192>
- Fulton J. Domestic Politics as Fuel for China’s Maritime Silk Road Initiative: The Case of the Gulf Monarchies // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 29, no. 122. P. 175—190. <https://doi.org/10.1080/10670564.2019.1637566>
- Garlick J., Havlova R. China’s “Belt and Road” Economic Diplomacy in the Persian Gulf: Strategic Hedging amidst Saudi-Iranian Regional Rivalry // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2020. Vol. 49, no. 1. P. 82—105. <https://doi.org/10.1177/1868102619898706>
- Kamrava M. *Troubled Waters: Insecurity in the Persian Gulf*. Ithaca : Cornell University Press, 2018.
- Liu Z. Historical Evolution of Relationship between China and the Gulf Region // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2016. Vol. 10, no. 1. P. 1—25. <https://doi.org/10.1080/19370679.2016.12023276>
- Niblock T. Problems and Opportunities for China in Developing Its Role in the Gulf Region // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2017. Vol. 11, no. 3. P. 1—11. <https://doi.org/10.1080/25765949.2017.12023305>
- Strüver G. China’s Partnership Diplomacy: International Alignment Based on Interests or Ideology // *The Chinese Journal of International Politics*. 2017. Vol. 10, no. 1. P. 31—65. <https://doi.org/10.1093/cjip/pow015>
- Sun D., Zoubir Y. H. China’s Economic Diplomacy towards the Arab Countries: Challenges Ahead? // *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24, no. 95. P. 903—921. <https://doi.org/10.1080/10670564.2015.1013379>
- Wu S. Constructing “One Belt and One Road” and Enhancing the China — GCC Cooperation // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2015. Vol. 9, no. 2. P. 1—15. <https://doi.org/10.1080/19370679.2015.12023264>

Сведения об авторах: Савичева Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8617-3508; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Бребдани Аммар Мухсен — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-0808-7521; e-mail: ammarbre1@gmail.com

Рыжов Игорь Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского; ORCID: 0000-0002-6417-1517; e-mail: ivr@fmo.unn.ru